

Голосенко И. А. Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Генетическая социология складывалась почти одновременными усилиями ряда западных исследователей - Л. Г. Морганом, Д. Ф. Мак-Леннаном, А. Постом, Г. С. Мэнном, И. Бахофеном, Э. Б. Тэйлором - и русских, среди которых ведущее место, безусловно, принадлежало М. М. Ковалевскому, определявшему генетическую социологию как "эмбриологию человеческих обществ". Ее главной задачей Ковалевский считал выделение в особую группу сходных у разных народов на сходных ступенях их развития обычаев и учреждений, "однохарактерных форм" общежития и этим дать материал для создания общей социологией картины общего прогрессивного развития человечества. Эта идея была подсказана ему сочинениями О. Конта, в которых обосновывалась необходимость построения социологии на трех конвенциональных методах: наблюдении, эксперименте, сравнении и четвертом, наиболее фундаментальном - историческом методе, предполагающим сведение многообразных данных, полученных от первых методов, к исходным элементам общества и рассмотрение их исторического зарождения, развития, перерождения и гибели. Русская генетическая социология предприняла поиск подобных элементов в генезисе ряда общностей (семьи, рода, племени), институтов (рабства, власти, собственности), духовной культуре (религиозных верованиях, праве, обычаях).

Социологи, увлеченные замыслом М. Ковалевского (С. Муромцев, М. Кулишер, К. Тахтарев и другие), были сторонниками полипричинного объяснения социальных явлений, по которому следует говорить не об одностороннем детерминизме, а о воздействиях, взаимодействиях, оказываемых друг на друга всеми явлениями: политическими, экономическими, демографическими, религиозными и т.п., из которых складывается общественная жизнь. Ковалевский неоднократно говорил, что может привести многочисленные и убедительные свидетельства влияния религии на хозяйственную, производственную деятельность. Генетическая социология в этом запутанном клубке взаимо-действий находит четкие, ясные эволюционные нити. В определенное время и в определенном социальном пространстве то один, то другой элемент общества может стать временным лидером. Потом его сменит другой элемент. Постоянным остается только их общее взаимодействие. Генетическое исследование направлено против метафизических функций вроде "конечных причин", универсального "единого фактора" и т.п. Только конкретное, сравнительно-историческое исследование причин того или иного социального явления и его генезиса позволяет в "общих чертах" определить магистральные линии прогресса. При этом все ветви генетической социологии, считали Ковалевский и Тахтарев, дают в основном эмпирические закономерности, после многократной проверки их истинности общая социология может приступать к "синтетической" формулировке основных законов социального прогресса и порядка.

Генетическая социология в междисциплинарном отношении является как бы

посредницей между общей теорией и частными социальными дисциплинами. Она опирается на фактические данные, прежде всего, истории, палеонтологии, археологии, сравнительного языкознания, антропологии, демографии, культурологии и особенно этнографии. Ковалевский лично практиковал полевые этнографические работы и посвятил проблеме взаимоотношений социологии и этнографии ряд интересных публикаций. Он считал, что генетическая социология, являясь творческим синтезом материалов многих конкретных социальных наук, ближе всего по методологическому духу к исторической социологии. Эту же мысль позднее постоянно подчеркивали Н. Тимашев и П. Сорокин.

1. Максим Максимович Ковалевский (1851-1916)

Среди всех русских социологов конца XIX - начала XX в. самую важную роль в духовном объединении и взаимном понимании Запада и России играл М. Ковалевский, жизнь которого была интересной и поучительной. Он был выходцем из богатой дворянской семьи, в кругу которой получил превосходное домашнее образование, прежде всего знание основных европейских языков. Его отец участвовал в кампании 1812 г., командуя полком кирасир, и вошел с русской армией в Париж, который покорил недавнего помещика-степняка. Он стал часто ездить за границу, захватывая с собой сына после того, как тому исполнилось десять лет. Еще в дошкольные годы Максим увлеченно читает книги по истории и этнографии. Дальнейшее образование было продолжено в гимназии, которую он закончил с золотой медалью, и с 1866 г. в Харьковском университете, где Ковалевский испытывал сильное интеллектуальное влияние со стороны профессора истории Д. И. Каченовского, поклонника французского позитивизма. Позднее Ковалевский называл его "незабвенным учителем".

Подготовка магистерской диссертации заставила Ковалевского провести несколько лет за рубежом. Там он слушает лекции специалистов в Берлине и Париже, много работает в Библиотеке Британского музея и государственном архиве. В Париже знакомится с профессором И. Лучницким, человеком преданным позитивизму, который вводит его в кружок лиц, собиравшихся вокруг "Журнала позитивной философии", куда позднее писал и сам Ковалевский. Этот первый в мире философский журнал редактировал Г. Н. Вырубов (задушевный друг Герцена, незаурядный химик, участник Парижской коммуны). Он был хорошо известен в научных кругах Парижа, и не случайно сменил П. Лафита (ученика О. Конта) в заведовании кафедрой истории науки в Колледж де Франс. Добросердечные отношения с Вырубовым Ковалевский поддерживал потом всю свою жизнь.

Во время поездки он знакомится и общается с многими известными людьми - В. Соловьевым, М. Бакуниным, Ф. Энгельсом, П. Лавровым, И. Янжулом, А. И. Чупровым и другими. В силу открытого, доброжелательного характера Ковалевского всегда привлекало человеческое общение, он охотно и быстро сходилась с людьми, круг его добрых знакомых был неисчерпаем. Так, он лично знал многих ведущих социологов своего времени, среди западных - В. Беджгота, Д. Милля, Л. Уорда, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Тарда, Р. Вормса, Г. Де Греефа, Т. Масарика и других, а среди русских - всю нашу верхушку - П. Лаврова, Н. Михайловского, Е. Де Роберти, С. Южакова, Н. Кареева, П. Сорокина, В. Ключевского и других. Обе его диссертации - магистерская (1875 г.) и докторская (1880 г.) были подготовлены на основе материалов по истории английского общественного строя средних веков. С 1877 по 1887 г. он преподает в Московском университете. Этот период был важной вехой в его эволюции.

В личной жизни Ковалевский - богатый, приветливый и хлебосольный хозяин, в квартире которого часто бывал цвет русской интеллигенции - И. Тургенев, А. Чехов, Л. Толстой, П. Боборыкин, Г. Успенский и другие. Многие отмечали, что "остроумие и находчивость неистощимого разговорщика" у него сочетались с громадными знаниями, он, словно губка, впитывал любые данные от своих интересных собеседников [1. С. 54-57].

Растет его известность и в научных кругах: в 1879 г. появилась серия работ "Общинное землевладение", а в следующем - "Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права", справедливо оцененная как сочинение, открывающее "новые пути для научных исследований" [2]. И действительно, его трактовка и конкретное применение в других работах этого метода, заложившего основы генетической социологии, имело много поклонников, хотя встречались и критики.

Отметим, что для своих исторических исследований Ковалевский в течение всей своей научной жизни выбирал темы, которые погружали его в котел политических страстей: общинное землевладение, национальный и рабочий вопросы, демократия и монархия и их политические доктрины, происхождение и судьба разных видов собственности и власти.

Кипучая деятельность Ковалевского сказалась и в жизни этнографического отделения "Общества естествознания, антропологии и этнографии", где он вначале секретарствовал, а позднее стал председателем. В летние каникулы Ковалевский в сопровождении молодых университетских ученых (будущего академика В. Ф. Миллера, И. И. Иванюкова и других, однажды к ним присоединился и Н. Михайловский) отправлялся в полевые этнографические экспедиции по Кавказу, забираясь в глухие места. По особому плану он расспрашивает местных жителей (как правило, осетин и сванетов) о родовом быте, изучает взаимодействие и влияние древних обычаев на право. Обдумывает соотношение этнографии и социологии в изучении культур. В итоге получился ряд блестящих журнальных и книжных публикаций [3].

Вместе с В. Ф. Миллером Ковалевский решил и стал издавать "Книжное обозрение" (1879-1880), задуманное как оперативный справочник о самом ценном в текущей русской науке и литературе. В качестве авторов он привлек наиболее способных профессоров позитивистской ориентации С. Муромцева, Е. Де Роберти, Н. Кареева, О. Ключевского, А. Фортунатова. Позднее издание было оценено как "первенец научной критики и библиографии", "важный источник для будущего историка русской социальной науки" [1. С. 60]. По замыслу редакторов, предполагалось абсолютно объективное, надпартийное изложение материалов. Однако завязалась полемика Ковалевского в двух различных направлениях: с Н. Михайловским и Б. Чичериным. Ковалевскому это досаждало и мешало. Временные финансовые трудности еще более усугубили дело. Журнал пришлось ликвидировать, но с тех пор все толстые русские журналы завели научные критико-библиографические отделы, наполненные ре-фератами и рецензиями. Как преподаватель, Ковалевский сложился довольно рано и в специфической манере читал лекции всю последующую жизнь. Слушатели свидетельствовали: его лекции отличались четкими планами, объективностью, редкой терпимостью к чужим точкам зрения, разнообразными, свежими научными данными. Глубина содержания их оттенялась остроумными репликами, анекдотами и забавными случаями из собственной жизни и встреч с "великими" людьми. Вот один пример: рассказывая американскому социологу Л. Уорду о том, что его "Динамическая социология" была запрещена царской цензурой и подвергнута сожжению, Ковалевский объяснил действия цензора тем, что

тот, вероятно, перепутал слова "динамика" и "динамит", "социальная" и "социализм". Уорду это объяснение очень понравилось, и анекдот пошел гулять по свету. Между тем, настоящий цензор был не столь наивен-, сохранившиеся в наших архивах сведения показывают, что его запрет книги Уорда был связан с "материалистическим" позитивизмом и антиклерикализмом.

Ковалевский и сам испытал на себе полицейский пресс. Предмет его университетских лекций - конституции западных стран - казался начальству "опасным". Курс исключили из числа обязательных. Это не помогло, он по-прежнему собирал толпы студентов разных факультетов. Тогда в 1887 г. Ковалевский был уволен с профессорской должности в виду "отрицательного отношения к русскому государственному строю". Молодой профессор был очень огорчен потерей студенческой аудитории и серьезно опасался конфискации имущества.

На восемнадцать долгих лет Ковалевский покинул родину. Он читает лекции в университетах Франции, Швеции, Англии, Италии, США. На берегу Средиземного моря покупает виллу, собирает большую научную библиотеку (более 50 тысяч томов), впрочем ядро ее составила библиотека, перевезенная из Москвы. Работает с удвоенной силой и пишет свои капитальные труды: "Очерк происхождения и развития семьи и собственности", "Происхождение современной демократии", "Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства". Часто многотомные, эти труды выходят на русском и иностранных языках. Их замечают в разных странах, рецензии на некоторые пишут Э. Дюркгейм, Р. Вормс и другие социологи. Кроме того, Ковалевский пишет десятки мелких статей.

Ковалевский усиленно изучает современную ему социологию, становится членом "Международного института социологии", участвует в ряде его конференций и съездов, а с 1895 г. - вице-президент, а с 1907 г. - председатель этого института. Одновременно с рядом русских социологов Ковалевский был участником "Общества социологии" в Париже, постоянным сотрудником "Международного обозрения социологии", помогая ему интеллектуально и финансово.

Но в ходе этой разнообразной и успешной научной, преподавательской и организационной деятельности Ковалевского неумолимо тянуло читать лекции "по-русски и для русских". В 1901 г. он организует вместе с Ю. Гамбаровым и Е. Де Роберти "Русскую школу общественных наук" в Париже. Школа сыграла важную роль в деле преподавания и институционализации русской социологии. Ковалевскому удалось пригласить крупнейших русских и западно-европейских специалистов, создать интересную программу по социологии, набрать сотни студентов и проработать ряд лет. После закрытия Школы ее уже чисто русский вариант при содействии В. Бехтерева и Ковалевского был открыт в 1908 г. в виде Психоневрологического института, где была создана первая в России кафедра социологии, которую возглавил Ковалевский. Свои курсы, читаемые в парижской школе и Психоневрологическом институте, Ковалевский обобщил в серии социологических работ [5, 6]. До этих публикаций социологическая точка зрения у него топилась в массе исторических, экономических, правовых и других данных, их сопоставлениях и сравнениях. Теперь он демонстрирует "чистую" социологию. Начиная с критики существующих концепций. В "Современных социологах" (1905 г.) представлен критический обзор важнейших вкладов -Тарда, Гиддингса, Болдуина, Гумпловича, Дюркгейма, Зиммеля, Маркса и других.

Ученик Ковалевского Питирим Сорокин, спустя более 20 лет после ее публикации,

писал, что эта работа "до сих пор остается наиболее основательным критическим анализом ведущих социологических теорий в мировой научной литературе" [7. С. 66]. Ковалевский старается найти ценное в каждом подходе и не отбрасывает огульно ни одну из рассматриваемых теорий, полагая, что в каждой есть верные эмпирических обобщения. Но одновременно остро критикует логические ошибки и просчеты, если их обнаруживает. Далее от критики он переходит к позитивной обработке социологических материалов и пишет через пять лет двухтомную работу "Социология".

В первом томе обсуждаются фундаментальные проблемы социологии: предмет, междисциплинарные связи, методы и основоположники - Конт и Спенсер, Уорд; во втором - зарождение и развитие таких социальных институтов, как власть, собственность, рабство, религия, право, род, семья и брак. Все это дано по рецептам генетической социологии той поры. Здесь обработан материал, который Ковалевский собирал в течение всей предыдущей жизни как политический мыслитель, историк, экономист, правовед, этнограф и социолог. Если не считать этой частичной попытки, Ковалевскому так и не удалось осуществить предложение свести вместе результаты всех своих научных разработок, как он сам выражался, сделать "синтетическую работу" [1. С. 76]. Фактически за него это сделала большая группа критиков и комментаторов как до, так и после революции [8]. Некоторые из этих работ весьма содержательны. Бросается в глаза, что все они написаны с любовью, даже если кое-какие утверждения Ковалевского ими ставились под сомнение.

В сфере социологии М. Ковалевский - последовательный позитивист, считавший, что научную социологию создал О. Конт, в работах которого разбросаны многие идеи, развитие которых принесло известность современным социологам - Спенсеру, Теннису, Дюркгейму, Уорду и многим другим. На сегодняшний день нет ни одной теории, которая бы вполне обоснованно претендовала на роль общей полной объяснительной теории. Сложилась лишь односторонние подходы - психологический, экономический, формальный, демографический, географический. Эти теории одного фактора ущербны, когда они претендуют на роль единственно верных. Исходя из методологического плюрализма, эволюционизма и историко-сравнительного метода следует интегрировать отдельные верные идеи этих подходов, но эта работа не механического плана, она требует талантливых теоретиков и их объединенных усилий. Путь этот сложный, но идти по нему надо. Социологическую науку XX в. только на этом пути ждет удача [9]. Что касается религиозной социальной философии, методологических претензий неокантианства и феноменологии, то это тупиковые дороги, и социологии следует их остерегаться.

Предмет социологии - "социальный порядок и прогресс", оба понятия соотносительны и в реальности не существует в отрыве друг от друга. "Социальный порядок", по Ковалевскому, есть система взаимодействий людей разного рода, подчиняющаяся особым законам эволюции и функционирования. Законы эволюции (их поиск и составлял предмет почитаемой им генетической социологии) демонстрирует типологическое единство институтов и явлений разных культур и народов на основе их происхождения. Он применил этот прием при изучении возникновения и последующего генезиса разных социальных общностей, институтов и религии. Одна из последних работ Ковалевского по генетической социологии называлась очень просто - "Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии" (СПб., 1914), но представляла собою детальную реконструкцию человеческого социального прошлого. Один из выводов его

генетической социологии гласил - нынешние примитивные племена - "современны" в подлинном смысле этого слова и нет оснований представлять их как реликты ранних фаз эволюции. Кажется, этот эмпирический факт игнорируется до сих пор, но всерьез и не оспаривается.

Что же касается законов функционирования, то они показывают более короткие в социальном времени и пространстве цепи зависимостей. Так, биосоциальное условие - "рост населения", по Ковалевскому, составлял стратическую детерминанту социальной дифференциации и "экономического роста", которые определяют политику, в свою очередь определяющую функционирование и строение системы образования, воспитания, идеологии. Все перечисленные явления подчиняются и обратному влиянию, взятые вместе эти зависимости составляют основу общества или "социальный порядок". Человеческая психология, в индивидуальной и коллективной форме, участвует на разных уровнях функционирования и в любом звене "социального порядка", хотя онтологически исходным его условием являются все-таки "рост и плотность населения". Общественный прогресс, по Ковалевскому, это постепенное расширение сферы солидарности и "замирения": если человечество начало свою историю с небольших групп, типа рода и семьи, где легко обнаруживались эти критерии, то с ходом истории они стали охватывать многомиллионные образования - народности, нации, государства, церковь и т.п. [10].

Ковалевский разворачивал широкие полотна социальных явлений, их происхождения и современных зависимостей, но увлечение схемами иногда приводило к произвольному обращению с фактами. К указаниям критиков на сей счет он относился весьма добродушно, полагая, что главная ценность - общая теория и ее принцип, а не эмпирические детали. Ему удалось увлечь рядом своих теорий П. Сорокина, К. Тахтарева, Н. Кондратьева, Г. Гурвича, Н. Тимашева и других обществоведов, вклад которых в социологию нашего столетия был позднее высоко оценен.

Наряду с научной и преподавательской работой Ковалевский (с 1906 г. он профессор Санкт-Петербургского университета и Технологического института) с головой погружается в общественную деятельность, находя в ней сильные стимулы для первых. Он издает газету "Страна" (закрытую цензурой), редактирует с 1909 по 1916 г. популярнейший журнал "Вестник Европы". После продолжительной беседы в 1905 г. с В. Ключевским, сильную индивидуальность и самобытность которого Ковалевский всегда высоко ценил, выдвигает свою кандидатуру в Государственную Думу, позднее в 1907 г. становится членом Государственного Совета, в качестве которого неоднократно выступал ходатаем перед властями относительно преследуемых, высланных, арестованных молодых интеллигентов. Так, в 1913 г. он прервал арест студента П. Сорокина, уже несколько лет бывшего его научным секретарем.

Ковалевский искренне верил в силу просвещения и реформ. Он создает и возглавляет центристскую оппозиционную партию "демократических реформ". Будучи правоверным эволюционистом, он не доверял действенности быстрого социально-политического переворота, который мгновенно смел бы "старый порядок" и на его месте воздвиг новый порядок с быстро приспособившимися к нему людьми. Этот скептицизм был воспитан в нем обширными историческими сведениями.

Как ученый, Ковалевский отличался необычайной широтой интересов, которые охватывали правоведение, историю, политическую экономию, этнографию, социологию и ее историю. Он внимательно следит за научными новинками у нас и за рубежом, часто

рецензирует их. Его обширные знания помогают ему редактировать энциклопедический словарь "Гранат" (1910-1916) и серию "Новые идеи в социологии" (1911- 1914). С 1889 г. Ковалевский член-корреспондент, а с 1914 г. - ординарный академик Российской Академии наук.

Но его цельная и недюжинная натура требовала не только спокойного, олимпийского академического изучения, но и злобы дня, он жаждал общаться с широкими общественными кругами в качестве политического обозревателя, отсюда его многочисленные публикации в газетах "Русские ведомости", "Биржевые ведомости" и деятельность публичного лектора, часто выступающего в Вольном экономическом обществе, Юридическом обществе, кружках им. А. Герцена и Л. Толстого. Он пишет множество статей о России и Западной Европе, ее научных и политических деятелях, взаимовлиянии двух культур. Им опубликованы пронизательные и тонкие воспоминания и некрологи о А. И. Чупрове, И. Тургеневе, С. И. Муромцеве, Д. А. Дриле. В. Миллере, Л. Толстом, В. О. Ключевском, С. Ю. Витте, П. Столыпине.

Одновременно он председатель русского отделения "Международного общества мира", член Верховного трибунала для решения споров между США и Канадой. С уникальными знаниями и мощной энергией Ковалевского хватало на все, к радости его знавших, казалось, что этому не будет конца. В 1914 г. с началом военных действий он был задержан в качестве заложника австрийскими властями в Карлсбаде, где лечился. Томясь вынужденным бездельем, он сел за написание полной автобиографии, названной "Воспоминания". Этот исторический документ проливает много света не только на его автора, но и русскую культуру того времени. Между тем, руководители Антанты планировали включить Ковалевского в Международную юридическую комиссию по выработке условий мира с Германией, после завершения мировой войны. К делу по освобождению Ковалевского пришлось привлечь важных лиц - испанского короля, президента США и даже папу Римского. Через семь месяцев хлопот он вернулся домой, приветствуемый множеством телеграмм и писем.

Здоровье Ковалевского было подорвано, но в течение оставшегося одного года жизни он, как и прежде, перегружал себя работой, особенно много читал публичных лекций о текущей политической жизни. За дни предсмертной болезни два его секретаря и ученика - П. Сорокин и Н. Кондратьев (сами ставшие со временем украшением русской науки) - не покидали его.

Весной 1916 г. ушел из жизни этот ученый и обаятельный русский человек.

Современники вспоминали: "все у него было - и слава, и любовь женщин, и общественное сочувствие, и радость творческого, вдохновенного труда... Умных людей на свете очень мало. Пожалуй, еще меньше людей истинно добрых, А таких, которые бы соединили эти качества - ум и доброту - днем с огнем поискать. Вот таким-то счастливчиком был" Ковалевский. "Со времени смерти Толстого русское общество не переживало другой [12. С. 57-58], столь же крупной потери", -выразил мнение многих М. Туган-Барановский. Потеряло не только русское общество, но и Запад - европейский и американский, - писал в некрологе о Ковалевском его друг, французский социолог Р. Вормс, ибо в глазах Запада Ковалевский "был символом русской науки в области социальных знаний". Профессор А. Меллэ (Колледж де Франс) назвал М. Ковалевского "великим социологом", а известный историк Ш. Сеньобос - великим европейцем, воспринявшим все благородные идеи, работавшим для нового расцвета России. И это было верно. Ковалевский, умирая, думал о русской науке и всю свою великолепную и очень

обширную научную библиотеку завещал Московскому университету. В том же году созданное Русское социологическое общество, с единодушного согласия его членов, получило имя М. М. Ковалевского. Этим наши ведущие обществоведы подчеркнули свое уважительное отношение к его трудам и уму.

2. Константин Михайлович Тахтарев (1871-1925)

В то время, когда родился Тахтарев, русская социология только что сделала свои самые первые шаги. А когда в начале XX в. он сам приступил к социологическим занятиям, она уже имела немало теоретических и методологических достижений. За первую четверть века он написал ряд трудов, органически вливаясь в общий процесс развития и функционирования русской социологии.

Родился К. М. Тахтарев в интеллигентной семье, его отец был профессором практической механики в Артиллерийской академии и дружил с другим ее профессором - П. Лавровым. Еще в гимназии юный Тахтарев вступил в кружок, созданный соучеником С. И. Ментальниковым (будущим крупным ученым, профессором Института Пастера) с целью изучения позитивной философии О. Конта. В 1890 г. он становится студентом естественного отделения Санкт-Петербургского университета, в котором уже сам организовал небольшой кружок по изучению философии и социологии Г. Спенсера. В 1892 г. перевелся в Медицинскую академию, среди студентов которой царил культ К. Михайловского, часто посещавшего студенческие вечеринки и встречи.

После участия весной и летом 1893 г. в качестве добровольца санитарного отряда по борьбе с холерой в Саратовской губернии Тахтарев решил переориентировать свой кружок на занятия "научным социализмом". Отсюда интерес к рабочему движению и практическое участие в ряде рабочих кружков, где он знакомится с В. А. Шелгуновым, И. В. Бабушкиным и позднее с В. И. Лениным [13]. В летние каникулы 1894 г. он едет за границу для знакомства с социал-демократическим движением на Западе и русской революционной эмиграцией. По рекомендательному письму своего отца, Тахтарев встречается с П. Лавровым, лидером народнической эмиграции и через него с рядом ее деятелей - Л. Шишко и другими.

В мае 1896 г. Тахтарев был арестован и просидел в тюрьме 3 месяца, но был освобожден отцом, взявшим его на поруки. В феврале 1897 г. под угрозой второго ареста срочно уехал в Женеву, где встречается и знакомится с Г. В. Плехановым, а через некоторое время в Бельгии с М. М. Ковалевским и Де Роберти.

Беседы с тремя выдающимися русскими социологами - Лавровым, Ковалевским и Де Роберти окончательно определили его жизненный выбор. Тахтарев решает посвятить свои умственные силы не политической, а научной деятельности, и именно - социологии.

Другим побудительным толчком этому послужили неоднократные беседы с вождями русской социал-демократии. Тахтарев был неприятно поражен резкостью и предвзятостью суждений Плеханова о Лаврове, Ленина о Струве, хотя он и не считал последних своими духовными "учителями". Но особенно его покорила личная борьба за власть в революционном движении, выдаваемая за высокую идейную борьбу [14]. По совету Ковалевского и Де Роберти, которые преподавали в Брюссельском Новом университете и были дружны с тамошним заведующим кафедрой социологии Г. Де Греефом, Тахтарев поступает слушателем в этот университет. Далее, он перерывами то работает над богатейшим в мире собранием этнографических монографий в библиотеке Британского музея и в Лондонском Антропологическом обществе, читает современную социологическую литературу, то учится в течение двух семестров в Русской школе

общественных наук в Париже.

Весной 1903 г. он начинает сам читать курс лекций по генетической социологии в этой Школе. Здесь же возникает замысел его первой книги - "Первобытное общество. Этнологосоциологическое исследование", которая была написана под сильным влиянием генетической социологии М. Ковалевского, снабжавшего все его ранние работы похвальными предисловиями. Книга была опубликована под псевдонимом К. М. Тар. В 1905 г. он готовит другую книгу, методологически сходную с предыдущей, под заголовком "Ступени развития общества". Содержание книги составляли лекции в Парижской школе. Но книга так и не вышла в свет, ибо рукопись и корректура, готовившиеся к печати в типографии И. Д. Сытина, сгорели при ее поджоге правительственными войсками во время подавления Московского восстания. Потеря не обескураживает Тахтарева, вскоре он выпускает еще одну книгу того же жанра - "Очерки по истории первобытной культуры" (1907 г.). Работа посвящена тотемическому "родовому обществу" австралийцев, их семейной жизни, религии, чудодейственным образом по обеспечению здоровья и умножения продовольствия, формам детской и юношеской социализации, первобытному праву и организации общественной власти. По Тахтареву, из "родового общества у множества народов мира рождалось территориально-племенное общество, из которого постепенно развивались нации". И хотя эта книга имела переиздания - в 1912 и 1922 гг., его последующие публикации демонстрируют постепенное ослабление влияния историко-сравнительного метода и эволюционизма Ковалевского. Воображением Тахтарева овладевают другие модели, близкие к функционализму и неопозитивизму.

После закрытия Парижской школы ее основатели вернулись на родину и в 1908 г. создали частный Психоневрологический институт с кафедрой социологии, среди сотрудников которой в качестве ассистента оказался и Тахтарев. С тех пор и до конца своих дней он занимается преподаванием социологии. В 1911 г., по предложению Ковалевского, ученый совет Лесгафтовских курсов избирает Тахтарева штатным преподавателем социологии, и он начинает параллельно с Сорокиным читать общий курс социологии и спецкурс по истории общественных институтов.

Когда кафедра социологии Психоневрологического института в 1918 г. слилась с университетом, то он перешел туда в качестве профессора факультета общественных наук. Н. Кареев называл Тахтарева и Сорокина первыми "профессиональными преподавателями" социологии в России, так как они поставили себе цель - специализироваться в данной науке, а не делать ее добавочным предметом занятий, как обычно поступали другие русские специалисты, будучи, в главную очередь, - философами, юристами, историками, политэкономами и т.п. Для выполнения этой цели оба молодых исследователя сосредоточили всю свою умственную работу на одном предмете и стали надлежащим образом следить за чрезвычайно богатой социологической литературой Западной Европы и особенно Америки. Оба успешно реализовали эту цель.

Когда в 1916 г. возникло Русское социологическое общество имени М. Ковалевского, то его председателем был избран академик А. Лаппо-Данилевский, а его заместителями и членами бюро - Сорокин и Тахтарев. Последний принимал самое деятельное участие в создании и деятельности общества, так как хорошо понимал полезность такой организации для научного сообщества, исходя и опыта уже созданных ранее национальных социологических обществ в США, Германии и Франции.

В 1919-1921 гг. Тахтарев становится членом Социологического института, читает там научные доклады, обсуждает доклады других коллег - П. Сорокина, В. Бехтерева, П. Люблинского, А. Гизетти. По рекомендации института, занимается подготовкой вузовской учебной программы по социологии.

Преподавание социологии, как главная колея профессиональной деятельности, наложило отпечаток и на исследовательскую работу Тахтарева, сказываясь на выборе тем, структуре его работ, аргументации и иллюстрациях в них. Преподавание и научная работа последние семнадцать лет его жизни идут постоянно чередуются. Учебные программы социологии требовали систематизации уже готового, добытого социологического знания, что, в свою очередь, требовало, с одной стороны - погружения в историю социологии, а с другой - самостоятельной работы над рядом проблем и пересмотра некоторых предлагаемых решений, особенно тех, которые вызывали постоянные споры.

Это обстоятельство помогает классифицировать, хотя и с некоторыми оговорками, все работы Тахтарева на три группы: учебно-методические программы, курсы и учебники социологии [15; 16], работы по истории социологии [16; 17: 18: 19] и самостоятельная разработка проблем социальной методологии и онтологии, среди которых он выдвинул на первое место не проблемы социальной динамики, прогресса и развития, столь популярных среди социологов конца XIX - начала XX в., а проблему строения и функций общества, в трактовке которой примыкал к американскому социологу Артуру Бентли [20]. В некоторых поздних сочинениях эти группы научных ориентаций им сознательно совмещались, так что предыдущие работы выступили как бы подготовительными этюдами к ним. Такова сделанная в 1919 г. по заданию Университета и Социологического института его главная работа - "Науки об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии".

Работы по истории социологии несли, по замыслу Тахтарева, двойную нагрузку: ретроспективную и прогнозирующую. Первая была им реализована в специальной большой статье, в которой критически анализировались усилия Конта и Маркса как духовных отцов социологии, совпадения и радикальные отличия их мировоззренческих позиций [18]. Хотя имя Спенсера и не было вынесено в заголовок статьи, один раздел посвящался ему. Находя множество ценных положений у классиков. Тахтарев не считал их позицию абсолютно истинной.

В юности Тахтарев был социал-демократом с марксистским уклоном, но во всех своих работах подчеркивал чисто методологическую важность исторического материализма, считая, что его конструктивно-теоретическая часть весьма далека от совершенства, страдает схематизмом, оперирует двусмысленными понятиями. Другая его серия историко-социологических очерков "Главнейшие направления в развитии социологии" ввечалась статьей "Чем должна быть социология", которая интересна предсказанием победы в ближайшее время эмпирически и сциентистски ориентированной социологии, в чем он видел реальные возможности спасения традиционного позитивизма от наступления антипозитивизма [17].

Тахтарев выделял шесть основных теоретических школ в новейшей социологии по их роли в развитии этой дисциплины. Пять из них (ранний позитивизм Конта, органицизм, социальный дарвинизм, "исторический экономизм" Маркса и разветвленное психологическое направление) довольно подробно описывали и другие социологи - М.

Ковалевский, В. Хвостов, С. Гальперин, Н. Кареев, Н. Михайловский. Наиболее обширным и интересным у него вышло описание шестой "статистико-социологической школы" А. Кетле, Ф.Ле-Пле и других. Несмотря на бесконечные противоречия и различия в новейших теориях, Тахтарев считал линию конвергенции возможной: через эксперименты и методы "численного измерения" можно добиться желаемой унификации социологической теории и сделать реальной ее связь с общественной практикой страны.

Работа Тахтарева "Наука об общественной жизни" носила комплексный характер. Автор ставил себе задачу "свести в одно стройное целое все то, чему его научил его долгий научных жизненный опыт, многолетнее изучение им общественной жизни и занятие социологией" [17.С.3-4]. В ней существует пласт материалов по истории социологии, каждая глава и ее темы имеют как бы приложение по старой и новейшей литературе, западной и русской, массу исторических справок о социологах, теориях, методах, школах и направлениях. Некоторые из них были довольно известными, но некоторые - новинкой для русских читателей. Учебно-методические разработки представлены в книге развернутой программой курсов лекций, прочитанных Тахтаревым в Петроградском университете в 1920г. и приложенных к книге, которая была написана раньше, но по техническим причинам выпуск ее затянулся почти на год и ему удалось присоединить к ней более позднюю программу. В сравнении с оглавлением книги содержание программы показывает динамизм его взглядов, она была в лучшую сторону насыщена целым рядом отделов о явлениях социального общения и группировок, социальной взаимопомощи и паразитизма, борьбы и соглашений, нововведений и творчества, их роли в социальной эволюции, реформах и революции.

И, наконец, в книге была его "система социологии". Как многие социологи того времени, Тахтарев жаловался на произвольность толкования предмета социологии, зыбкость ее междисциплинарных границ, неопределенность многих понятий и принципов, методологическую неразбериху и поспешные теоретические построения. Конец этому должен быть положен принятием "какой-либо определенной системы" и скромно предлагал свою собственную, впрочем, открытую критике не менее других систем тех лет. Не отрицая напрочь эволюционные подходы, Тахтарев предлагал считать главным методом социологии функциональный (или "соотносительный", по его собственным словам) метод, который в сочетании с математическими приемами сбора и обработки исходного материала позволит открывать эмпирические законы, а не волшебные формулы предшествующей социологии. Новая социология должна превратиться в социальную естественную науку на ее "собственной чистой социологической основе", не сводимой к психологическому, биологическому, демографическому и прочему редукционизму [16.С.29, 55].

Общественная жизнь (этот термин Тахтареву казался предпочтительнее, чем обычный термин "общество") заключается в удовлетворении людьми своих собственных потребностей путем коллективного общения и сотрудничества как материального, так и духовного порядка [16.С.45]. Вслед за Аристотелем он полагал, что самая существенная характеристика общественной жизни - "самодостаточность", которую сводил к двум моментам: осознанию людьми своего общественного единства (всевозможные формы группового, коллективного, общественного сознания) и экономические, политические, бытовые, культурные и т.п. варианты функционирования общающихся людей "с целью всестороннего обеспечения потребностей" и достижения на этом основании более

совершенной жизни [16.С.141].

Таким образом, центральными понятиями социологии Тахтарева были: взаимодействие (общение), солидарность, сотрудничество, конфликт, разделение труда, расслоение общества, институты, власть, личность, творчество, цели, потребности, прогресс и закономерности общественных явлений.

В истории общественной жизни Тахтарев выделял несколько все усложняющихся форм "самодостаточности": относительно простейшие социальные структуры - племенные, кастовые, родовые, социальные устройства; и более сложные - общинно-территориальные, феодально-сословные и классовые. Ключом к социальным структурам, к тому или иному виду социальной дифференциации он считал то обстоятельство, что моменты "самодостаточности" реализуются в разных условиях неодинаково.

Тахтарев различает социальные группы относительно временные, преходящие, кратковременные и относительно долговременные, институционализирующиеся. Роль последних в социальных структурах значительно выше, чем первых. Место каждой группы зависит также от количества и социокультурного качества ее лиц, от степени и форм их объединенности, организованности, от наличия и объема материальных и духовных средства, от способов их жизнедеятельности. Особую силу получают группы, выходящие на орбиту общественной власти через историческое насилие, законодательную деятельность, общественное мнение и т.п. Именно работы 1915-1919 гг. вызвали наиболее пронизательные и в целом благожелательные отклики на его работы, хотя среди них были не столько научные, сколько чисто идеологические оценки [21].

Хотя Тахтарев и предложил собственную "систему социологии", от настолько быстро эволюционировал, что по напечатании книги признавался в том, что многое готов в ней переделать. Он был намерен представить "Науку об общественной жизни..." в Ученый совет факультета общественных наук Петроградского университета в качестве докторской диссертации, но так как ученые степени и, соответственно, защиты был отменены революцией, то было проведено публичное обсуждение книги в клубе ученых. Оппонентами выступили - его старый соратник П. Сорокин, во многом настроенный благосклонно к научным исканиям Тахтарева, и его старый критик - субъективист Н. Кареев. К критике, которая упрекала его за неоправданное невнимание к философским основам социологии и в поспешной оценке некоторых исторических фактов, он относился спокойно и внимательно, стараясь учесть эти замечания в дальнейшем. Вероятно, испытав некоторое сомнение в сухих, прямолинейных и антиисторических положениях неопозитивизма, он рискнул вернуться к старым проверенным приемам исследования. Сказались и политические обстоятельства. В 1922 г. кафедра общей социологии, после увольнения ряда ее членов (прежде всего ее заведующего П. Сорокина), прекратила свое существование и была заменена кафедрой "истории общественных форм".

Руководство кафедрой, преподавание было возложено на Тахтарева. Без соответствующих методических программ для студентов трудно было организовать работу. Но было одно сильное препятствие. Он подчеркивал, что ему удалось познакомиться только с небольшой толикой западной социологической литературы, появившейся за последние годы. Пришлось обратиться к английским друзьям. Ценную научную помощь Тахтареву в этом деле оказал президент Британского

социологического общества В.Брэнфорд, который выслал множество американских и английских социологических журналов и работ по генетической социологии. Познакомившись с ними, Тахтарев рискнул восстановить в расширенном виде погибшую в 1905 г. работу.

Книга получила новое название "Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм". В 1924 г. вышли ее три обширные части, он планировал продолжение их, но не успел реализовать свои замыслы. Книга открывается историческим очерком вклада родоначальников генетической социологии, затем рассматривается ее соотношение с археологией, антропологией, этнологией и исторической наукой, а также новейшие направления - школа Ле-Пле, марксизм и другие. Изложению исторического материализма уделялось много места, и оценивался он как новейшее и полезное "экономическое направление в генетической социологии" вообще. Вслед за историческим очерком генетической социологии, Тахтарев подробно анализирует "тотемическое общество палеолитического человека", "родовое общество неолитического человека", территориальное, "земляческое сельско-общинное общество", феодально-сословное общество и современное промышленно-политическое общество. В каждом обществе выявляются специфика и главные линии эволюции. При анализе каждого общества применялась общая типологическая схема: вид хозяйственной деятельности и разделение труда, брачно-семейная жизнь и ее формы, социальная дифференциация, разновидности поселения - стоянка, деревня, город, организация власти, культура (мир общих понятий и религия). Но наиболее удачно прослеживается соотношение и зависимость между этими общественными формами только в первой части книги, во второй, чем ближе к современности, анализ становится менее четким.

В отличие от чисто ученических первых книг по генетической социологии, в последней работе чувствуется школа функционализма, желание сочетать статические и динамические моменты изучаемых явлений. Трудно сказать, как далеко бы ушел в своей духовной эволюции этот социолог. После возвращения из Англии, где он находился в научной командировке, он неожиданно заболел тифом и умер. Тахтарев был в расцвете сил, у него было много замыслов и желания их реализовать. Вероятно, он смог бы еще много сделать для обогащения отечественной социологии.